

EMEL'YANOVA Elena Nikolayevna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the State Socio-Humanitarian University (30 Zelenaya St, Kolomna, Moscow Region, Russia, 140410; e.n.emelyanova@mail.ru)

THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE CONTEXT OF THE COMINTERN HISTORY (1919–1922)

Abstract. The article discusses the evolution of the theoretical views of the Soviet Russia's and the Communist International leadership on the problem of war and peace, the model of political power during the formation of the Versailles-Washington system of international relations. The author not only analyzes the world order established by the beginning of the 1920s. She also considers the theoretical and tactical attitudes of the Comintern on the issue of imperialist, revolutionary, civil and national liberation wars, as well as the problem of relations with European social democracy and pacifist political forces, the national bourgeoisie, disagreements within the communist parties and the search for a model of the world community capable of preventing new wars.

Keywords: war, peace, Comintern, foreign policy, international relations, communist parties, social democracy, nationalist movements

УДК 930.25

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета (664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2; ottisk@irmail.ru)

КУРАС Софья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения (Россия, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15; kuras@list.ru)

С БЕРЕГОВ ФОНТАНКИ И АНГАРЫ: ДВА ВЗГЛЯДА НА ПЕРСПЕКТИВЫ СИБИРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем политической ссылки в Сибирь. В начале XX в. Российская империя столкнулась с массовым развитием антиправительственных течений и противозаконных действий. Поэтому перед центральной властью остро встал вопрос о применении особых наказаний к политическим преступникам. Основной мерой для государственных преступников была выбрана высылка в далекий Сибирский край. Ключевой момент, определяющий выбор этой территории, состоял в значительном удалении от столицы. Проблема применения этого наказания рассматривается авторами статьи с двух сторон. С одной стороны, изучены чаяния столичной власти, стремившейся подальше удалить опасный для центра преступный элемент. С другой – рассмотрена позиция губернской власти, которая стремилась оградить подвластные им территории и население от нахлынувших преступников, уменьшить общее число ссыльных. Авторы приходят к выводу, что объективной и исторически оправданной является позиция обеих сторон, каждая из которых решала поставленные перед ней задачи.

Ключевые слова: Сибирь, политическая ссылка, преступники, Санкт-Петербург, Иркутск

Особое положение Сибири в составе Российской империи помимо сырьевого значения определялось также колонизационными возможностями края. Основным же путем заселения больших территорий становится ссылка. Проблеме осуждения преступников, уголовной и политической ссылке в последние десятилетия посвящено много научных работ, которые, в свою очередь,

продолжают дореволюционную и советскую традиции изучения проблематики [Данчевская 2015: 376; Иванов 2016: 50; Курас 2011: 57]. В середине XVII в. первые сосланные сюда преступники начинают заселять суровый край. Массовой же ссылка становится в XIX в. в связи с применением данного вида наказания к уголовным преступникам. В конце XIX в. увеличивается число политических преступников в Центральной России, посягающих на основы существующего государственного строя. Данный контингент также направлялся для отбывания наказания в Сибирь.

Увеличение числа политических ссыльных требовало от власти постоянного внимания к этой проблеме. Вопросы отбывания наказания преступниками были одинаково важны как для центральной, так и для губернской власти. Это подтверждает неустанная переписка между двумя уровнями власти, а также содержание ежегодных отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири, в которых постоянным разделом, наряду с административным и хозяйственным положением края, неизменно были вопросы уголовной и политической ссылки.

Вот только смотрела власть столичная и губернская на одну и ту же проблему по-разному. То есть, существовало два взгляда: первый – взгляд центральной власти, которая видела удачную перспективу в ссылке политически неблагонадежного элемента в отдаленные местности империи, где они не представляли бы угрозы для столицы; второй – взгляд сибирской власти, которая видела в ссылке преступников целый клубок неразрешимых проблем для края. В одном из докладов иркутский военный генерал-губернатор П.И. Кутайсов так характеризует политических преступников: «эти люди хуже убийц и воров»¹. В соответствии с их опасностью для общества он требовал для них соразмерного наказания в виде тюремного заключения с обязательными работами, которые должны были усилить тяжесть наказания.

Центральная власть пробовала применять разные варианты наказаний для преступников, которые ставили своей целью изменение существующего в стране строя. Однако наиболее удобным способом оставалась высылка государственных преступников из столицы. Одним из первоначальных вариантов применения наказания к таким нарушителям спокойствия до 1887 г. была высылка в губернии европейской части страны под надзор местной полиции. Тем самым государство стремилось обезопасить имперскую власть от опасных революционно настроенных элементов. Однако, по свидетельству П.И. Кутайсова, в начале XX в. данная мера уже не была столь эффективной, т.к. на новом месте жительства преступный элемент продолжал свою антиправительственную пропаганду среди местного населения². Кроме того, такое территориальное удаление не являлось преградой для побега и быстрого возвращения в столицу.

Санкт-петербургские же чиновники рассчитывали, что высылка опасного преступного элемента в глубь страны, где они были бы отрезаны от политической информации, центров печати, обезопасит общество от их присутствия. Идеи политических преступников не поддерживались местным населением, что было очень удобно для центральной власти. Также этот путь частично решал проблему малонаселенности сибирского края. Поэтому такой вид наказания со всех сторон был удобен столице.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири видели в ссылке преступников (особенно политически неблагонадежных) во вверенный им край только одни отрицательные стороны. Ведь большая часть сосланных не имели средств к

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 35.

² Там же. Л. 36.

существованию, поэтому содержать тех из них, кто не имел работы, приходилось местной казне. Кроме того, полицейский надзор за ними не мог осуществляться должным образом в силу большой удаленности поселков друг от друга, а догляд за ними осуществлял лишь один полицейский. Существовала также масса и других трудностей, с которыми сталкивались местные власти при водворении таких осужденных. В воспитательный эффект такого наказания местные власти не верили, полагая, что ссылка делает нарушителей только более ожесточенными. Кроме того, в увеличении роста преступности в Сибири губернские власти во многом винили именно ссыльный элемент. По мнению профессора Э.Ш. Хазиахметова, такое гипертрофированное отношение к проблеме ссыльных было необходимо местной власти, стремящейся ограничить этот вид наказания и не допускать ссыльных в свой край [Хазиахметов 1976: 39].

Сибирские власти на всем протяжении существования такого наказания, как ссылка, боролись с ним. Ведь в число ежегодно выдворяемых преступников входили ссыльнопоселенцы, сосланные на житье и на водворение, административно-ссыльные, каторжные, которые после отбывания сроков заключения оставались в Сибири в качестве ссыльнопоселенцев. Помимо вышеозначенных категорий населения, пополнявших численность местных жителей, внимания местных властей требовали и добровольно следующие за ссыльными и каторжными их семьи¹. Именно поэтому, имея уже большой контингент уголовной ссылки, местные власти стремились избавить край от ссылки политической.

Законодательные нововведения имперской России способствовали увеличению числа сосланных в Сибирь за политические преступления. Так, после введения в 1881 г. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия численность политических ссыльных значительным образом возросла.

С 12 июня 1887 г. вышло высочайшее повеление о применении при разрешении дел о государственных преступлениях в административном порядке ссылки в Восточную Сибирь и на остров Сахалин на сроки до 10 лет². В своем докладе министр внутренних дел В.К. Плеве указывал, что административно-ссыльных следует водворять в местностях, по географическому положению наименее благоприятных для совершения побегов, и где население наименее восприимчиво к революционным учениям. Для этого сибирским властям было рекомендовано избирать небольшие уездные города, не имеющие средних учебных заведений и расположенные вдали от путей сообщения, и селения, преимущественно инородческие. Это было связано со все увеличивающимся числом сосланных в Восточную Сибирь в конце XIX – начале XX в. в связи с появлением подпольных организаций в местах водворения преступников.

Из отчетов генерал-губернаторов видно, что численность политических преступников в Иркутской губернии возрастала. Так, по данным генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина, на 1882 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области находилось 430 политических ссыльных³. Во всеподданнейшем отчете иркутского военного генерал-губернатора генерала от инфантерии П.И. Кутайсова за 1903 г. в Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области были водворены 1 032 государственных преступника⁴. Тайный советник егермейстер Л.М. Князев в своем отчете приводит следую-

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 530: Л. 19.

² ГАИО. Ф. 25 Оп. Оц. Д. 428. Л. 4.

³ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора за время с 1879 по 1882 г. – *Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири*. Т. 1. Вып. 1. Иркутск. 1884. С. 117.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 22.

щие цифры: в 1911 г. в целом в Иркутской и Енисейской губерниях находилось 3 050 осужденных политических преступников¹. Такой рост численности преступников требовал от властей более четкой регламентации в исполнении наказаний.

Сама жизнь требовала внесения коррективов в систему исполнения наказаний. Ведь до конца XIX в. население Сибири из-за своей удаленности от центра, труднодоступности местностей было мало восприимчиво к революционным настроениям и нейтрально относилось к возваниям политических ссыльных. Однако на рубеже XIX–XX вв. в связи с введением в эксплуатацию железной дороги в Сибири эта территория уже не казалась такой отдаленной, и политически неблагонадежные элементы могли легче перемещаться и влиять на умы населения. Кроме того, они начали осуществлять пропаганду среди железнодорожных рабочих и местного населения². На эту проблему неоднократно указывали в своих отчетах сибирские генерал-губернаторы, в т. ч. иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов³.

Центральная власть пыталась принять меры к изменению существующего положения, однако не все попытки были реализованы. Так, с целью упорядочения применения наказаний к преступникам в 1882 г. на заседании Совета по тюремным делам было рассмотрено предложение о создании земледельческих колоний в Восточной Сибири. Комиссия в составе представителей Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства финансов и Министерства государственных имуществ изучала вариант создания таких колоний численностью по 500 чел. в Верхоленском и Читинском округах, а также на о. Сахалин⁴. Однако в связи с неблагоприятными климатическими условиями, отсутствием населения на острове, которому поселенцы могли бы продавать свою продукцию, данная программа не нашла поддержки. По итогам работы комиссия высказала конкретные предложения по изменению существующего порядка ссылки. Среди основных предложений было указано: водворять административно-ссыльных в городах группами от 50 до 100 человек и выбирать для этой цели города преимущественно в Сибири, при этом избегая промышленных и учебных центров и маленьких городов. В условиях Сибири для местной власти это были почти невыполнимые условия, т.к. число городов было относительно небольшим, при этом во всех крупных городах имелись и учебные заведения, и промышленные предприятия. В небольшие же города высылать политических было нельзя из-за отсутствия возможности трудоустройства и условий для проживания. Кроме того, столица требовала от местной власти учредить специальный надзор за ссыльными с целью недопущения осуществления последними антиправительственной пропаганды. Однако в полной мере выполнить это требование на местах было крайне затруднительно из-за нехватки штата полиции.

В соответствии с данными указаниями основными городами, куда были направлены осужденные по политическим статьям, стали Красноярск, Омск, Томск, Иркутск, Чита. Непосредственно в Восточной Сибири, кроме губернских центров, местами проживания для преступников были определены Енисейск, Баргузин, Илимск, Тунка⁵. С одной стороны, в больших городах было удобнее отслеживать перемещение политических преступников, а с другой — их агитационная деятельность здесь проявлялась сильнее.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1912. Д. 24. Л. 21.

² ГАИО. Ф. 25 Оп. Оц. Д. 428. Л. 20.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 20.

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 428. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 13.

Об этих проблемах знали и сибирские власти, и столица. Так, в донесении генерал-лейтенанта, члена Государственного совета и командира Отдельного корпуса жандармов фон Валя министру внутренних дел В.К. Плеве от 25 марта 1903 г. после его поездки по Сибири указывается на состояние революционного движения в Сибири. Из документа видно, что по сравнению с концом XIX в., когда население Сибири было невосприимчивым к идеям небольшого числа сосланных, в начале XX в. в крупных сибирских городах, таких как Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Чита, имелись уже организованные политические центры. Кроме того, в Красноярске, Томске и Иркутске существовали местные комитеты Сибирского социал-демократического союза с центром в Иркутске. Союз также имел свою типографию в Красноярске, откуда была налажена доставка прокламаций в другие сибирские города¹.

Агентурные сведения показывали, что антиправительственные течения набирали обороты также и в Томске. Фон Валь обратил внимание, что в Томске неразрешенные антигосударственные прокламации печатались в типографии, которая существовала на законных основаниях и была «правительственным печатным органом»². Тем самым в Сибири сложилась уникальная ситуация: на государственные деньги публиковалась антигосударственная литература. Санкт-петербургский чиновник отмечал, что уже неоднократно докладывал о сложившейся в типографии вопиющей незаконной ситуации.

Помимо проблемы недостаточного надзора за политически неблагонадежными элементами, чиновник указывал и на скученность в центральных сибирских городах высланных туда на жительство преступников. Указывалось также на неблагонадежность студентов в Красноярске и Иркутске, которые, по словам столичного чиновника, «пользовались там широкою свободою действий и поддержкой местного общества»³, а также поддержкой местных учреждений, чьей задачей была материальная помощь всем, кого высылали из центральной и европейской части страны в Сибирь.

Сибирские власти предлагали решить эту проблему за счет увеличения применения такого наказания, как тюремное заключение в одиночных камерах. Однако центральная власть констатировала, что в связи с недостаточным числом таких камер, все увеличивающейся численностью государственных преступников и переполненностью тюрем уголовным элементом этот вид наказания не мог являться основным по сравнению с высылкой.

Санкт-петербургский чиновник подробно описал те учреждения, в которых, по его мнению, нарушалась буква закона. Так, он сетовал, что в Иркутске управления Забайкальской и Кругобайкальской железных дорог активно трудоустраивают высланных на жительство в Сибирь как политически неблагонадежных бывших студентов центральных вузов страны⁴, отказывая при этом в работе местным жителям. Более того, вновь назначенным на службу бывшим студентам устанавливается высокое жалование. Помимо этого было отмечено, что бывших студентов, высланных на жительство в Сибирь, берут на работу в министерства государственных имуществ и государственного контроля.

Помимо незаконности трудоустройства, фон Валь отмечал в качестве вопиющего нарушения проведение лекций, которые читались в Иркутске политически неблагонадежными, с его точки зрения, лицами с разрешения Общества распространения народного образования. В отношении деятельности этого

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Ед. хр. 157. Л. 11.

² Там же. Л. 11(об).

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 12(об).

общества в целом, а также его председателя г. Ушакова были даны соответствующие разъяснения в докладной записке чиновника.

Озабоченность контролирующих ссылкой центральных органов также вызвала работа политически неблагонадежных элементов и в г. Омске. Многие из них служили в экспедиции по исследованию Степной области, подчинялись Министерству государственных имуществ¹. А ведь сотрудники экспедиции состояли в постоянном непосредственном общении с простым народом с целью исследования землевладения и землепользования на территории и могли влиять на умы и настроения людей, внедряя революционные идеи в массы.

В многочисленных донесениях также прослеживается противоположность взглядов центральной и местной властей. Так, столичные проверяющие стремились во всем неукоснительно соблюсти закон, в то время как местной власти необходимо было, не нарушая закон, думать о развитии города, его инфраструктуры, социальном обеспечении, повышении общего уровня образованности, усилении состава местных чиновников за счет новых столичных образованных кадров.

Таким образом, можно подытожить, что, с одной стороны, являются оправданными чаяния столичной власти, стремившейся подальше удалить опасный для центра преступный элемент, защищая тем самым устои государственности. С другой – разумна и понятна позиция губернской власти, которая стремилась оградить подвластные им территории и население от нахлынувших преступников, уменьшить общее число ссыльных, предлагая заменить ссылку тюремным заключением. При этом на местах «политических» трудоустроивали, за счет уровня их образованности укрепляли местные органы власти. Именно поэтому объективной и исторически оправданной является позиция обеих сторон, каждая из которых решала поставленные перед ней задачи и требования времени по-своему.

Список литературы

Данчевская А. В. 2015. Уголовная преступность в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: к вопросу об историографии проблемы (дооктябрьский период). – *Вестник ИрГТУ*. № 5. С. 376–381.

Иванов А. А. 2016. Иркутская губернская администрация и становление надзора за политическими ссыльными в 1860–1870-х гг. – *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. Т. 15. С. 50–60.

Курас Т. Л. 2011. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи. – *Гуманитарный вектор*. № 3(27). С. 57–61.

Хазиахметов Э. Ш. 1976. Политическая ссылка в отчетах сибирских губернаторов (1906 – февраль 1917 г.). – *Вопросы истории Сибири*. Томск: Изд-во Томского университета. Вып. 9. С. 39–45.

¹ Там же. Л. 16.

IVANOV Alexandr Aleksandrovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Chair of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (2 Chkalova St, Irkutsk, Russia, 2664025; ottisk@irmail.ru664025)

KURAS Sofia Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Customs Affairs and Jurisprudence, Irkutsk State Railway Transport Engineering University (15 Chernyshevskogo St, Irkutsk, Russia, 664047; kuras@list.ru)

FROM THE BANKS OF THE FONTANKA AND THE ANGARA RIVERS: TWO VIEWS ON PERSPECTIVES OF SIBERIAN POLITICAL EXILE AT THE BEGINNING 20TH CENTURY

Abstract. The article examines the problem of political exile in Siberia. At the beginning of the 20th century, the Russian Empire has faced the large development of subversive movements and illegal acts. Thus, the central power runs into the problem of special punishments to political criminals. The exile to remote Siberian region was the main measure for state prisoners. On the one side, the article studies the intentions of capital power, which tries to remove dangerous criminals from the center. On the other side, the article reveals position of the provincial power, attempting to protect subject territories and people from coming criminals, to decrease number of the exiled. The authors conclude that the points of view of the both sides are objective and historically reasonable, because both of them have tried to achieve their own goals.

Keywords: Siberia political exile, criminals, St. Petersburg, Irkutsk

УДК 94(575.4)

ВОЛКОВ Иван Васильевич — кандидат политических наук, ученый секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб (Россия, г. Москва; ivolga54@gmail.com)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ: СФЕРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена мероприятиям царской власти по созданию системы здравоохранения для коренного населения региона. Поскольку Русский Туркестан находился в ведении военного министерства, то эта система всецело подчинялась Главному военно-медицинскому управлению Туркестанского военного округа. В своей деятельности по отношению к коренному населению региона оно руководствовалось правовыми документами, которые устанавливали принципы медицинского обслуживания населения, в т.ч. «туземного». Автор считает, что в целом русской власти в Туркестане удалось добиться в сфере здравоохранения значительных цивилизационных результатов, позитивно повлиявших на образ жизни «туземного» населения.

Ключевые слова: Русский Туркестан, военное министерство, «туземное» население, царская Россия, система здравоохранения

После присоединения в феврале 1886 г. Средней Азии к Российской империи и учреждения в 1867 г. в Русском Туркестане генерал-губернаторства и военного округа¹ был подготовлен проект Временного положения об управлении в

¹ Именной, данный Сенату — Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года. — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-2). Т. 42. Отд. 1. СПб. 1871. № 44831. С. 1150-1151; Именной, объявленный в приказе Военного Министра — Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года. — ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб. 1871. № 44844. С. 1156-1164.